

ЛИЛИПУТЫ ИЗ ШКОЛЬНОЙ ПАРТЫ

«Ромео и Джульетта» на Баварском оперном фестивале

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ МЮНХЕН

«Дорогая, я уменьшил детей!» — так можно было назвать спектакль модного немецкого режиссера Андреаса Хомоки и художника Гидеона Деви по опере Гуно «Ромео и Джульетта». Ерническая интонация низводит слезную лирическую драму героев до актуальной нынче темы взросления подростков и частных проблем закрытых школ.

Шарль Гуно, как известно, еще 150 лет назад успешно пересказал историю Ромео и Джульетты в духе love story XIX века. Хомоки пошел еще дальше, решив дискредитировать заодно и сам жанр лирической оперы. Для него страдания и любовные излияния героев в ариях и дуэтах — пустой звук, эмоциональная рухлядь, а сама музыка Гуно — дополнительный благодарный материал для издевки.

Кланы Монтеки и Капулетти — две враждующие между собой элитарные школы, а противники отличаются цветом форменных пиджачков: у Монтеки они светло-зеленые, у Капулетти — желтые с синим кантом. Главная «остраняющая» функция в спектакле поручена сценографии. Как только поднимается занавес, глазам предстает фантастический интерьер:

на боку валяется громадная школьная парта кричаще-малинового цвета. Она может вращаться вокруг оси, открывая взору кривые ножки. Они превращаются в эстраду во время дискотеки (читай — бала в доме Капулетти), а крышка парты порой распаивается, обнажая деревянное нутро: там лежит огромный карандаш и книжка «Королева Маб». Из парты, как горох, вскоре посыплются малюсенькие человечки: пожилые «мальчики» с брюшком и примерные «девочки» в шляпках-канотье. Лилипуты (заданный масштаб предметов зрительно уменьшает фигуры хористов) мечутся меж поставленных на попа книжек в два человеческих роста. На пестрых обложках изображены пары, сливающиеся в поцелуе, благородный шейх на дромадере, негодяй, с искаженным лицом целящийся в кого-то

Исполнение центральных партий Анжелой-Мари Блази (Джульетта) и Марчелло Алваресом (Ромео) противоречило ернической интонации постановки Фотограф: Wilfried Hosl

из пистолета. Вульгарные картинки указывают на содержание книжек — типичное бульварное чтение, коим увлекаются подростки, грезя о возвышенной чистой любви. Таким способом Хомоки транслирует генеральную мысль спектакля: «Ромео и Джульетта» не более чем дамский роман. Правда, смерть постигает героев оперы всерьез. Спев свой фи-

нальный дуэт, выпив снотворные таблетки и для верности перерезав себе вены перочинным ножиком, они бредут, обнявшись, к парте и влезают внутрь, дабы вечно любоваться голубым небом с барашками облаков, нарисованным на днище.

Мелодичная и искренняя музыка Гуно категорически не вписывается в рамки «игрушечного теа-

тра», в которые Хомоки загнал себя сам — да так и не смог выбраться, как его герои из парты. Роскошный романтический оркестр, замечательные солисты (Анжела-Мари Блази — Джульетта и Марчелло Алварес — Ромео) выламываются из сценического контекста самим исполнением: открыто эмоциональным, приподнятым, чувственным. Вопиющее несоответствие видимого и слышимого сначала смущает, потом раздражает, а под конец просто утомляет. Да и солисты — зрелые люди, с плотными, отнюдь не тинейджерскими фигурами, облаченные в короткие штанишки и складчатые юбочки, смешно размахивающие руками в тщетной надежде подделать подростковую пластику, выглядят нелепо. Бой гигантского карандаша (от Монтеки) с такой же огромной перьевой ручкой (со стороны Капулетти) — что-то из области комиксов и мультфильмов. В конце концов куча мала расступается, а на сцене остается лежать Меркуцио (Мартин Гантнер), пригипленный к полу острием пера, как муравей.

В общем, спектакль оставляет зрителя в недоумении. О чем он — о девальвации чувств в наше время? Или о том, что любить и умереть из-за любви смешно и немного стыдно? Возможно, авторы просто хотели уменьшить процент самоубийств среди учащихся закрытых школ.